

Кусьбура
2004-12-24
нояб. - с. 12

Так у Э.Г.

Книга об Эрсте Гарице "Ученик Чародея" появилась месяц с небольшим тому назад, но шла она к читателю двадцать с лишним лет. Нет, не так, вовсе не своим ходом шла она, все эти годы ее терпеливо и безостановочно тянул наш замечательный аниматор Андрей Хржановский, за что на долгожданной презентации в Музее-квартире Вс.Мейерхольда был назван "интеллектуальным бурлаком". Собственно, аниматоры, или, как их раньше называли, мультипликаторы, имеют много общего с этой древней волжской профессией, они привычны к терпеливому труду, к медленному, долговому продвижению вперед...

В своем вступлении к книге Андрей приводит слова "учителя учителей" Яна Амоса Коменского: "Пусть никому не будет позволено издавать книги поспешно и преждевременно; наоборот, все должно привыкнуть оформлять и переоформлять свои труды, работать и перерабатывать их так долго, пока каждая книга не будет отвечать нормам гармонии и согласованности". Конечно, Хржановский, задумав и собрав книгу, мечтал издать ее как можно скорее, но превратности нашей издательской жизни, сначала советские (нехватка бумаги, цензура), потом российские (развал производства, дефолт) помогли ему все-таки выполнить великий завет "учителя учителей" и достичь в своем труде "гармонии и согласованности".

Андрей не мог не завершить свой труд. Его отец, Юрий Хржановский, художник и актер, дружил с Гариным, тот ставил для него скетчи и номера, впоследствии Гарин озвучивал фильмы Андрея Хржановского - фамилии и судьбы тесно переплелись... Слово "Гарин", так же, как еще одно - "Эрдман", были для Андрея пароллями, по отклику на которые он отбирал людей для своего круга.

Книга состоит из трех больших частей: первая - "Биохроника" (само слово, образованное от мейерхольдовской "биомеханики", задает тон всей книге); вторая - "Письма к Х.А.Локшиной" и третья - "Воспоминания об артисте".

Когда книга попала мне в руки, я сразу кинулся ко второй части - письма мое личное чтение последних лет.

"8/VIII 30 г. Сегодня мы встретились в Парке культуры и пошли пешком домой. По дороге снялись - фото тебе посылаю. Не думай, что я так худ - это произошло оттого, что я очень загорел и румянец провалился. Снялись мы, как видно на карточке, на бульваре. Я по-прежнему утрами езжу на лодке и купаюсь".

Казалось бы, что?.. Обычное, если не сказать, обывательское письмо. Но возникает чувство счастья от напряженного, будничного, короткого общения с великим человеком, которого так трудно добиться в жизни, а на страницах книги - пожалуйста!

А вот среди деталей быта и примет времени ты вдруг наталкиваешься на осколки легендарных историй. На 142-й странице читаешь письмо артиста жене из гастрольной поездки в Киев: "Пишу тебе после спектакля. Поверишь ли? "Мандат" провалился... Я играл отвратительно. Не знаю, что со мной сделалось. Поте-

рел чувство темпа, атрофировалась радость... Дальше играть просто не хочется". Тут ты начинаешь ворочить книгу, открываешь "Биохронику", лезешь в 1925 год и взахлеб читаешь историю "Мандата", сделанную режиссером Андреем Хржановским привычным для него монтажным способом: тут и отрывки из рецензий, описания репетиций, послепремьерные оценки критиков, фрагменты интервью самого Гарица: "В этот момент моей биографии произошла встреча с одним человеком, сделавшим из меня - меня. Николай Робертович Эрдман. Он здорово читал свою комедию. Но что самое удивительное, внезапно обнаружилось, что мы очень похожи и внешне, и голосами, и манерой говорить... Теперь метнемся в третий раздел - на 257-й странице воспоминания Мацкина, очевидца спектакля: "В чем же было сходство их (Гарина и Эрдмана) читки? В той невозмутимости и серьезности, которые совершенно не соответствовали содержанию произносимых слов".

Вот тут бы и послушать монолог Павлуши Гулячкина, который Гарин записал в 1957 году: "Женщины, мужчины и даже дети, вам не удастся задуть революцию, пока существуем мы... Я и моя мамаша. Вы не думайте, что я только ее не боюсь. Ничего подобного. Давайте поедимте в Англию, я и английской королевы не испугаюсь...". Наткнувшись на слова самого Гарица о кинофильме "Свадьба": "Внешность моего жениха начала проясняться с воротничка. Стоячет откладной крахмальный воротничок... Получилась огромная крахмальная ножка, на которой держится маленькая головка с прилизанной прической... - сразу бы посмотреть эпизод из фильма, как ходит этот механический человек, бережно неся свою голову на крахмальной ножке... Уже давно в мире издают книги, жанр которых можно назвать "все о предмете": книга + аудиокассета + видеокассета, впрочем, по нынешним временам достаточно вложить в книгу компакт-диск. "Ученику чародея" этого явно не хватает, потому что эта книга заставляет читать себя творчески. Она становится стереоскопическим объектом, обходя вокруг которого, словно вокруг скульптуры, открываешь все новые и новые ракурсы. В результате каждый читатель читает свою книгу. В зависимости от пристрастий и склонностей.

Мне, как вы поняли, импонировала роль эдакого архивариуса-исследо-

вателя, добытчика из разных мест книги документов и свидетельств, сравнение их и классификация. Если же вы настроены на лирический лад, перед вами нежнейший роман в письмах Эрста Павловича Гарица к Хесе Александровне Локшиной. Высокий накал любовной игры можно почувствовать хотя бы по одним обращениям влюбленного мужчины к возлюбленной женщине. Вот что происходит на одном лишь книжном развороте, 140 - 141 стр.: "Дорогая Хессилла", "Чернопузый упырь", "Дорогой мой мыр", "Дорогой Федрак", "Дорогой мой Квазимод", "Дорогой угод мой", "Дорогая, дорогая живность, милая Алексанна"...

Есть в книге драматическая и даже трагическая линия, театральный роман, я бы даже сказал, в авантюрном жанре. Это взаимоотношение главного артиста с главным режиссером - Гарица и Мейерхольда. Тут не утаивается ничего: обожание ("Репетиция сцены "Вранья" этой ночью была таким вдохновенным совершенством, что забыть ее невозможно всю жизнь") и наоборот ("Я еще никогда не видел Всеволода, чтобы он так бездарно говорил, и в позу какого-то Магомета"); уходы ("Театром удручен ужасно, готов убежать хоть куда-нибудь") и возвращения ("То, что называется среда, мне необходимо, ГосТИМовский навоз - это дает мне соки"); нежнейшие телеграммы и обидные письма - но никогда - предательство! И верность Учителю до последнего часа.

Все разодрано противоречиями. Но во всем "гармония и согласованность". Которую с великой любовью и бережностью воссоздал Андрей Хржановский. С любовью не только театральной и литературной. Жизнь его проходила рядом с великим артистом - с того момента, когда Эрст Павлович, заглянув в колыбель, где лежал только что родившийся сын его друга Юрия, сказал: "Да он у вас косой, черт!" (имея в виду узкие глаза младенца), до того, как он, этот "косой", нес гроб Гарица к свежевырытой могиле... Если бы такими историями были связаны все люди... что дальше ни напиши, выйдет банальность, и будет стыдно перед Андреем Юрьевичем и Эрстом Павловичем.

Однажды в 1924 году Мейерхольд сказал Маяковскому: "Гарин. Актер моего театра. Дьявольски талантлив. Комик. Острый, злой... Далекое пойдет".

Да, он пошел далеко. Роли, которые он играл, были сделаны блестяще, спектакли, которые он ставил, фильмы, которые снимал, имели успех... Но всегда он помнил, как сам представлял себе свое будущее, и что такое то самое "далеко", куда стремил его талант и направлял главный режиссер его жизни... В счастливый для меня вечер, который я в семьдесят первом году провел в доме Эрста Павловича Гарица, беря у него интервью для журнала, он обронил горькую фразу: "Я слишком рано остался без мастера".

Советского зрителя приучили, что Гарин - артист на роли шпионов и королей. Свою первую награду, орден "Знак Почета", Эрст Павлович получил не за Хлестакова, не за Чацкого, не за Подколесина и даже не за доктора Калужного, а "за исполнение роли диверсанта Волкова в фильме "На границе". А уж роли сказочных киношных королей вызывали только бурные рукоплескания и всеобщие комплименты. Но приносило ли это Эрсту Павловичу полное счастье?.. Ведь королеву то он был самым что ни на есть настоящим.

В письмах Гарица часто встречаются нестандартные, сочиненные или подслушанные им слова: "отбалтался", "пудить", "метлишливый", "актрисы"... И тогда внимательный комментатор ставит звездочку и дает сноску - (так у Э.Г.). Жизнь великого артиста была такой же шуточно, как эти слова, книга, собственно, полно и красочно и рассказывает - "Как у Э.Г."

Э.Гарин, В.Мейерхольд и З.Райх во время репетиции спектакля "Последний решительный"

Виктор СЛАВКИН
"Ученик чародея. Книга об Эрсте Гарице". М.: "Искусство", 2004.